

АННА ДАНИЛОВА

П С И Х О Л О Г И Ч Е С К И Й д е т е к т и в

Две линии судьбы

Ради счастья она готова на преступление...

Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой

Анна Данилова
Две линии судьбы

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Данилова А. В.

Две линии судьбы / А. В. Данилова — «Эксмо»,
2022 — (Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой)

ISBN 978-5-04-177613-8

Богатая молодая девушка Соня Козельская, мечтает жить долго и счастливо с избранником своего сердца. Но он бросает ее, променяв на другую, а спустя год Соня умирает от отравления. При этом едва не погибает и ее тетка Валентина, недавно переехавшая к племяннице из Сургута. Адвокат Лиза Травина уверена, что это убийство, и начинает расследование. А параллельно ей приходится ломать голову над необъяснимым исчезновением своей верной помощницы Глафиры. Странно – если Глашу похитили, то почему не требуют выкуп?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-177613-8

© Данилова А. В., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

1. Май 2010 г. Лиза	7
2. Май 2009 г. Соня	11
3. Май 2010 г. Глафира	16
4. Май 2010 г. Лиза	21
5. Май 2009 г. Соня	26
6. Май 2010 г. Глафира	30
7. Май 2010 г. Лиза	31
8. Май 2009 г. Соня	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Анна Данилова

Две линии судьбы

Оформление серии *С. Прохоровой*

В коллаже на обложке использованы фотографии:

Nadya Korobkova, Khomenko Maryna / Shutterstock.com Используется по лицензии от Shutterstock.com

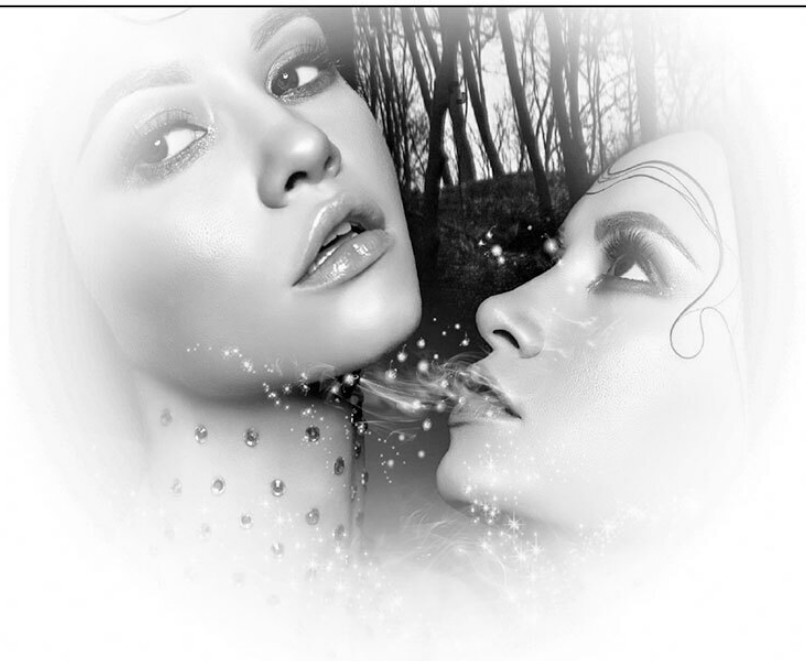
© Данилова А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

АННА ДАНИЛОВА

Две линии судьбы

МОСКВА
2018

1. Май 2010 г. Лиза

– Лиза, я понимаю, ты волнуешься, но нельзя же так много курить! – воскликнул Дмитрий Гурьев, Лизин муж, глядя на то, как и без того бледная, с нервным лицом и воспаленными глазами жена снова берется за сигарету, едва успев затушить предыдущую. – Да найдется твоя Глафира! Она, как ты сама понимаешь, не иголка в стоге сена и к тому же обладает завидной природной проворностью, умом, а потому с ней в принципе ничего не может случиться.

– Но ее нет уже два дня! Она не из тех людей, которые исчезают по своей воле, не предупредив своих близких. А я, надеюсь, не чужой ей человек. И пусть я всего лишь работодатель, пусть даже хозяйка, но между нами всегда существовали дружеские, теплые отношения. К тому же в последнее время на меня навалилось столько работы, что я только теперь поняла, как же заметно она облегчала мне жизнь, как много для меня делала. И вообще – я к ней привыкла!

– Лиза, ты так говоришь о Глафире, словно знаешь, что с ней действительно что-то случилось. И почему ты упоминаешь о Глаше в прошедшем времени?

Супруги завтракали в кухне. Вернее, кашу ел, запивая ее кофе, Дмитрий. В домашнем халате, но умытый, с тщательно причесанными волосами. Просто красавчик из мужского журнала мод. Адвокат, так же как и его жена, он, в отличие от специфики ее занятий, связанных в основном с расследованиями преступлений, работал на влиятельных лиц города как человек, нанятый для обеспечения безопасности потенциальных преступников. Оба супруга занимались серьезными и ответственными делами, требовавшими много сил и времени, а потому им редко удавалось даже позавтракать вместе, не говоря уже об ужине. Дмитрий, знавший о привязанности жены к ее помощнице, энергичной и ловкой Глафире Кифер, понимал, что Глашу следует найти как можно быстрее, причем во что бы то ни стало. Иначе Лиза совсем потеряет покой. Тем более что Лиза была беременна на третьем месяце.

– Тебя что, покормить с ложечки? – рассердился Дмитрий. – Нельзя же так!

– Дима, прошу тебя, только не говори мне про еду... Я на нее вообще смотреть не могу... – взмолилась Лиза. В пижаме, с растрепанными длинными волосами, она сидела на высоком табурете, обхватив колени одной рукой (в другой у нее дымилась очередная сигарета), и раскачивалась как маятник. – И, как нарочно, Адам поехал к своим родственникам в Крым. Я звонила ему тысячу раз – он молчит.

– Да он просто отдыхает, ваш Адам.

Адам был мужем Глафиры. Они познакомились в баре модного в городе ресторана «Ностальжи». Адам работал там барменом и очень любил свою работу, хотя и очень устал. Во вторую смену, когда он возвращался домой за полночь, нередко бывало, что он не заставал Глафиру, которая, вместо того чтобы поджидать мужа с ужином, выполняла поручения своей хозяйки – следила за кем-нибудь или вообще мчалась куда-то в поезде или летела в самолете в поисках необходимой информации. А могла и просто сидеть в их конторе, изучая материалы или выкапывая из толстых архивных томов уголовного дела что-то очень важное, способное повлиять на судьбу человека.

– Пойми Адама, Лиза. Человек целыми днями стоит за стойкой бара, обслуживает подвыпивших клиентов, выслушивает их болтовню, делает вид, что ему все это интересно, а сам в это время думает только о Глафире... Делает коктейли, отсчитывает сдачу, протирает стаканы, а случается, как ты сама рассказывала, и развозит клиентов по домам. Да он элементарно устал, понимаешь? Взял человек – и отключил телефон!

– Это исключено, – Лиза произвела некое движение руками, изображая категоричный крест. – Ты вот смог бы отключить телефон, зная, что я буду звонить?

– Нет, конечно, ты же знаешь.

– Адам вообще не может дышать без своей Глаши. И это просто удивительно, что он один отправился в Крым. Кажется, у него там заболел кто-то из родственников, вот он и помчался... А еще, что уж тут скрывать, он является единственным наследником этого дяди... или брата дяди... Вот знать бы, что это окажется таким важным, я на все детали обратила бы внимание. Словом, ему просто необходимо было поехать туда. А Глафиру я бы не отпустила, это правда. Но все равно – он не мог отключить телефон.

И в эту минуту замурыкал ее собственный телефон. Она взяла трубку и напряглась.

– Да? Ох, господи... Это ты, Адам? Наконец-то. Мы как раз говорим с Димой о тебе – что ты не мог выключить свой телефон. Что? Понятно... Украл в поезде? Так я и знала. Да понятно, что теперь придется восстанавливать все номера... Я помогу тебе. Ты мне скажи, где Глаша? Она случайно не поехала с тобой? Что? Не знаешь? Вот елки-палки! Куда же она подевалась? Ее уже два дня нет на работе. И телефоны ее молчат...

И тут она, понимая, что не должна была волновать Адама, который находился в Крыму по важным семейным делам, вздохнула. Посмотрела с виноватым видом на Гурьева, покрутившего пальцем у виска – мол, ну и зачем тебе все это нужно было говорить?!

– Ладно, Адам, прости... Просто я не знала, у кого еще можно расспросить про Глашу. Значит, и ты ее тоже потерял... Вернее, не можешь дозвониться? Что? Нет-нет, об этом можешь не беспокоиться. Никаких таких страшных, как ты говоришь, дел у нас в последнее время не было. И ее никто не мог украсть. Поверь мне, в последние месяцы мы работали в очень спокойном режиме, и практически никакого криминала... И уж если бы кто-либо и решил кого-то убраться...

Гурьев сделал страшные глаза.

– Я просто хотела сказать, что если бы кто-нибудь и захотел отомстить за что-то такое, то действовали бы против меня, понимаешь? Глафира же – обыкновенный исполнитель. Ладно, Адам, не переживай. Это телефон твоего родственника? Хорошо, я поняла, я сохраню его и буду держать тебя в курсе... Не дрейфь... Все будет хорошо... – она отключила телефон. – ... и мы поженимся.

– С кем это вы поженитесь? – Гурьев возмущенно смял в руках салфетку. – Что ты ему наговорила?! Зачем рассказала про Глашу?

– Вообще-то он ее муж, как ты знаешь... – заметила Лиза. – А если бы я, к примеру, пропала, разве Глаша не должна была бы поставить тебя в известность?

– Меня – да, а вот Адама – нет. У меня есть возможность что-либо предпринять, а вот у Адама, который сейчас к тому же еще и в Крыму, – нет.

– Ладно, проехали... Надо искать Глашу. Вот прямо сейчас поеду к ней домой, ключи у меня есть, к счастью. Осмотрю ее квартиру, может, догадаюсь, куда она делась.

– Пока не поешь, не выйдешь из-за стола, – твердым голосом произнес Гурьев. – Ты заморишь моего ребенка голодом! Ты – отвратительная мать!

– А я предупреждала тебя, между прочим...

Через час Лиза в компании Гурьева уже входила в квартиру Глафиры.

– Смотри, все прибрано, нигде ничего не раскидано... Постель заправлена. Ты понимаешь, что это значит?

– Да. Что ее не сорвали куда-то ночью, не выдернули из постели, не украл. Что она встала, убрала постель, умылась, позавтракала...

– Откуда ты знаешь, что она позавтракала?

– Да потому что я знаю Глафиру. Она же просто помешана на еде. Она весит двести килограммов. Ей, вместо того чтобы трескать по утрам булочки со сгущенкой, надо бегать! Упорно бегать в парке, как это делают все те, кто бережет свое здоровье. Я вообще не понимаю, как она умудряется до сих пор работать у тебя? Ведь она же должна постоянно находиться в

движении. «Глаша, принеси, унеси, сделай это, то, отнеси документы, проследи за клиентом...»
Не так ли?

– Так, но пока что она со всем этим справлялась, и я была ею довольна. К тому же ее внешность, такая ее симпатичная упитанность...

– Скажи еще – слоновость!

– Гурьев, почему ты такой злой?

– Да потому, что это из-за нее ты так волнуешься. Она могла элементарно заболеть и оказаться в больнице!

– Я должна закончить свою мысль, – терпеливо продолжила Лиза. – Так вот. Она, такая пышечка, как это ни странно, в меньшей степени привлекает внимание тех, за кем мы обычно охотимся. Люди не воспринимают ее всерьез, понимаешь? Она легко может замаскироваться под кого угодно. Под продавщицу из сельского магазина, страхового агента, повара престижного ресторана. Да кем ей только не приходилось бывать, чтобы познакомиться с нужными людьми!

– Ладно, может, я и в самом деле погорячился. Она мне всегда нравилась. Такая классная девчонка. Но ей же и самой надо бы подумать о себе... Когда-нибудь и она тоже забеременеет, и что с ней будет тогда? Растолстеет, будет весить все триста килограммов!

– Гурьев, кажется, у тебя были какие-то дела?

– Да ладно, я могу и уйти.

Лиза стояла в центре гостиной и вертела в руках местную газету. Потом разложила ее на столе и принялась листать. Гурьев подошел и посмотрел через ее плечо. Когда на предпоследней странице появились обведенные красным маркером объявления, им многое стало ясным.

«Легкий способ сбросить вес».

«Помогу в короткий срок сбросить вес».

«Хотите похудеть? Это к нам».

«Похудеете легко и без страданий».

«Легкое и безопасное похудение».

«Набрали лишние килограммы? Тогда вам – сюда».

«Сбросьте вес без диет, подсчета калорий и применения силы воли».

– А ты говоришь! – в сердцах воскликнула Лиза. – Теперь понял, где она?

– Напротив – не понял. Столько объявлений обведено...

– Давай рассуждать логически. Я обзвонила все больницы и морги – нигде Глаши нет. Слава богу! Украсть ее тоже никто не мог – Адам не такой богатый муж, чтобы заплатить выкуп. К тому же Адам уехал в Крым...

– Думаешь, она все же решилась обратиться к этим сомнительным специалистам, желая похудеть?

– Она неглупая девушка и понимает, что ей рано или поздно пришлось бы взять себя в руки. Адама дома нет, а потому у нее появилась прекрасная возможность заняться собой.

– Лиза... Но она могла хотя бы позвонить тебе и все объяснить!

– То-то и оно, что могла. Но не позвонила. Значит, решила на время исчезнуть и из моего поля зрения. Знала, что я не отпущу ее никуда...

– А куда ты должна была ее отпустить? Разве авторы всех этих объявлений не распространяют какие-нибудь таблетки? Куда ты не собиралась ее отпускать? Это же не санаторий. Не клиника.

– Дима, я ничего не знаю. Как и ты.

– И что ты будешь делать?

– Если бы была рядом Глафира (господи, просто не представляю, как я буду без нее!), то я именно ей и поручила бы обойти все эти конторы, встретиться с теми, кто опубликовал объявления. Ее наверняка видели и запомнили. Ее не могли не запомнить. Но Глаши рядом

нет, значит, придется мне заняться этим самой. Вот когда понимаешь цену человека! Такого, как Глафира.

– Тебе нельзя волноваться.

– Никому нельзя волноваться.

– Ты куришь... беременная!

– Брошу, когда Глаша вернется.

Гурьев в отчаянии закрыл глаза руками.

2. Май 2009 г. Соня

«Как же это все тяжело. Лучшие уж физическая боль. Пусть руку отрежут или ногу! Или даже голову, она хотя бы не станет болеть. Я не знаю, как живут все остальные женщины, страдающие так же, как и я.

Я снова видела их вместе. Ворковали как голубки. Идиотское выражение, но очень точное. Они шли под ручку, склонив друг к другу головы, как очень близкие люди, и о чем-то тихо и счастливо говорили. Улыбались при этом. И я не понимаю, что он нашел в ней. Она же совершенно некрасивая! Вернее, просто уродливая. И ноги у нее кривые. Она ну абсолютно ничего собой не представляет. И все, что на ней надето, куплено на денежки ее отца. А я, между прочим, всего достигла сама...»

Конечно, она лукавила, поскольку, если бы не та замечательная во всех отношениях вещица, которую она предоставила банку в качестве залога, она не получила бы никакого кредита. Но расчеты-то все производила она сама. Да и вообще, о многом ей пришлось крепко задуматься. Где, к примеру, и какие именно открывать салоны? Что их будет сразу два – относительно этого она не колебалась. Один ювелирный салон должен быть рассчитан на людей среднего достатка и специализироваться на изделиях, предназначенных для широкого потребителя. Другой – на покупателей с высоким уровнем дохода, интересующихся эксклюзивом. И тот и другой салоны должны были располагаться исключительно в центральной части города, на одной из главных улиц, желательно неподалеку друг от друга (для удобства собственно работы), и чтобы – по возможности – поблизости от них имелись банки, крупные офисные и торговые центры, места элитного отдыха – дорогие клубы, рестораны, казино. Еще, в представлении Сони Козельской, ее салоны должны были размещаться в нижних этажах солидных, старинной постройки особняков, внешнюю реставрацию которых она, в знак своего расположения к администрации, ими владевшей, брала на себя. Чиновник высокого ранга, с которым она договаривалась и которому заплатила большую взятку, и сама Соня – оба понимали, что впоследствии эти особняки она же и выкупит года через два-три.

Годом раньше Соня Козельская благополучно работала главным менеджером в «Клец и Ко», небольшой торговой компании, которой руководил Михаил Клец, известный в городе предприниматель. Должность исполнительного директора там занимал – и занимает и поныне – Андрей Быстров, Сониная любовь, молодой человек очень приятной наружности, по которому Сонечка буквально сохла. Вероятно, ее пылкая к нему любовь все же обратила на себя его внимание, поскольку ее мечта спустя полгода, как она устроилась туда работать, осуществилась, и Андрей появился на пороге ее квартиры в компании приглашенных ею же сослуживцев. Сложившись, они подарили ей огромный, почти в человеческий рост, розовый фикус и бисквитный торт с кремом. После обильных возлияний и поедания всевозможных салатов, утки с капустой и мясного рулета, не говоря уже о пирожках и запеченных в сметане блинчиках с творогом, отяжелевшие друзья-приятели с подружками с трудом выползли на свежий воздух. Вместе с ними вышел и Андрей, но через десять минут вернулся и провел с утомленной хозяйкой целую ночь. Потом были и другие свидания, и Соня даже начала надеяться на то, что вскоре Андрей сделает ей предложение, как вдруг все переменялось. В офисе появилась девушка по имени Вера, ничем особенным не отличавшаяся от всех остальных конторских девушек. Высокая, худая, кривоногая (может, это и было единственным ее отличием), черноволосая, с бледным, в легкой угревой сыпи, лицом девственницы и большими, навывкате, голубыми глазами. Словом, настоящее страшилище! И вот к ней-то Андрей и переметнулся. Как-то сразу. Чуть ли не на следующий же день после ее появления в компании.

Назвать его подлецом язык не поворачивался. Он пришел однажды вечером к Соне. Буквально обратившись в слух, она поджидала его в кухне, неподвижная, устремившая взгляд на

голую стену. Он обнял ее, погладил по голове с тугими, светлыми от природы кудрями, потом поцеловал ее куда-то в макушку и сказал тихо, но так, что она слышала каждое слово, что он полюбил другую и просит его простить. А потом он ушел, оставив на столе подаренный ему недавно Соней на его день рождения золотой кулон с изображением Скорпиона – его знака Зодиака.

Мысленно Соня уже догнала его на лестнице; она валялась у него в ногах, умоляя вернуться, она кричала, срывая горло, что та прыщавая, с дурацким именем – Вера – недостойна его, что она некрасива и глупа, холодна, как лед, что она не любит его! Она цеплялась за его брюки, просто висла на них, так смешно, нелепо, продолжая унижаться, хрипя что-то о своей любви к нему... Пока не поняла, что стоит, словно каменная, все в той же кухне, которую он давно уже покинул, и что, слава богу, ничего такого наяву не было: она не унижалась, не опустилась до того, чтобы хвататься за его штаны и умолять его вернуться к ней.

Она ждала, что сейчас, вот-вот придет новое, спасительное чувство здоровой злости и ненависти, которое поможет ей забыть его. Но вместо этого все подобные эмоции потоком хлынули почему-то именно в сторону ее соперницы, Веры, которую Соня готова была убить! В прямом смысле этого слова. К Андрею же она по-прежнему испытывала любовь и нежность, обожание и желание поклоняться ему, быть его рабыней.

Если раньше, читая книги про любовь, она не понимала – как это может быть, чтобы женщина хотела быть рабыней своего возлюбленного, – то сейчас, когда она осталась одна, потому что Андрей ушел от нее к другой, она готова была простить его и служить ему не только как рабыня, но и как собака.

Она даже представляла себе, как сидит дома, поджидая его с работы, никуда не выходя и забыв вообще о своих желаниях (кроме тех, что связаны с самим Андреем), как встречает его, моет ему ноги (эта сцена прочно укоренилась в ее сознании после просмотра одного телевизионного фильма о мусульманских женщинах), как кормит его ужином, а потом укладывает в постель...

Иногда ей казалось, что она просто сходит с ума. Причем это сумасшествие начиналось с первых же минут ее пробуждения. Она просыпалась, шла в душ – и понимала, что и этот новый день тоже не сулит ей ничего, кроме страданий. Что скоро она придет на работу, увидит Андрея, но уже не того, прежнего, а чужого, вернее, не принадлежащего ей. И снова в грудь ее кто-то невидимый словно бы вобьет кол и будет в течение дня его проворачивать, причиняя боль. И как же не страдать, если в первые же минуты после своего появления на службе она видела Андрея почти постоянно в обществе блеклой, с непременными прыщиками на носу и щеках, Веры.

Позже она узнала, причем случайно, да так, что стало ясно – все уже давно в курсе, что Вера – дочка Михаила Клеца, хозяина фирмы. Что она почувствовала? Как будто бы боль немного отпустила. И это облегчение пришло от осознания того, что Андрей, вероятно, ударил за ней исключительно ради продвижения своей карьеры. Возможно, даже ради своего будущего. Все знали, что Клец – очень богатый человек и все его магазины и торговые центры – всего лишь внешняя сторона его успешной деятельности, что у него, помимо этого, есть еще и другой бизнес, связанный, возможно, даже с наркотиками. Но об этом поговаривали шепотом, да и вообще, скорее всего, это были только слухи, и, вероятно, он просто очень выгодно вложил свои деньги в никель или нефть.

Зато теперь, когда она научилась оправдывать Андрея его желанием стать зятем Клеца, все более или менее встало на свои места и она поняла, что ради достижения подобной цели внешность невесты на самом деле не имеет никакого значения.

Соня, стройная, с полной грудью, девушка, с натуральными светлыми локонами и карими глазами, внешне очень спокойная, ласковая и неконфликтная, должна была нравиться ему куда

больше невзрачной, худосочной, практически плоской Веры. Возможно, он втайне и любил еще Соню, да только не давал волю чувствам, чтобы не разрушить намеченный им план по охмурению дочки хозяина. Так ей хотелось думать, в это хотелось верить. Но время шло, и все вокруг только и поговаривали о предстоящей свадьбе. Хотя официальных наметок вроде приглашений на торжество или разговоров Веры с подружками о выборе платья еще пока не было.

Еще напрягало то, что одиночество, которое так ценила Соня и в котором она пребывала все то сознательное время, прошедшее со дня смерти бабушки, стало ее угнетать. Ей так хотелось поговорить с кем-нибудь о своих чувствах к Андрею, обо всем том, что отравляло ей жизнь в последние месяцы, что она едва сдерживалась, чтобы не опуститься до откровенных излияний со своими сослуживицами, которых в душе презирала. Презирала абсолютно за все. За их «тупизм», проявлявшийся на рабочих местах, за их ограниченность в суждениях и желаниях, за отсутствие гордости и тщеславия, за желание выслужиться... Если она сама считала свою работу лишь первой ступенькой в собственном росте, поскольку всегда знала, что рано или поздно она созреет для самостоятельной деятельности, то большинство окружающих ее девушек вообще не знали, чего они хотят в жизни. Разве что удачно выйти замуж. Этим, кстати говоря, их желания и ограничивались.

Соня всегда копила деньги. И не на черный день, поскольку на этот волшебный черный день успела накопить ее бабушка.

Сирота Соня (ее родители утонули, когда ей было всего три года) воспитывалась бабушкой, Лидией Сергеевной Козельской, энергичной волевой женщиной, сумевшей привить Соне любовь к порядку во всем, начиная с бельевого шкафа и заканчивая мозгами.

Она была твердо убеждена, что у человека, который не научился раскладывать аккуратно свои вещи в шкафу или книги на полках, никогда не будет порядка и в мозгах. Еще бабушка, долгое время занимавшая скромную должность бухгалтера в жилищной конторе, научила внучку копить деньги. Объясняла, что люди в большинстве своем тратят деньги неразумно, на совершенно бесполезные вещи, и это вместо того, чтобы, накопив, купить что-нибудь ценное, стоящее. Бабушка умерла в возрасте шестидесяти лет, неожиданно, от воспаления легких, и Соня, поначалу испугавшись обрушившегося на нее несчастья и страшной тишины в доме, очень быстро поняла, что со смертью единственного близкого ей человека жизнь не остановилась. Что она движется вперед и что она, Соня, вполне к ней подготовлена. Она осталась одна, когда ей исполнилось восемнадцать. К тому времени она уже успела поступить на финансовое отделение университета и неплохо там преуспевала. Учитывая, что ей в наследство досталась прекрасная квартира в тихом, заросшем липами и «сталинками» районе центральной части города, кое-какие драгоценности и бабушкины деньги, она могла спокойно продолжать учебу, ни в чем не нуждаясь. Однако, посчитав, что она должна самостоятельно зарабатывать себе на жизнь, раз уж так все сложилось, Соня вечерами подрабатывала в родильном доме санитаркой. Причем работа эта доставляла ей какое-то странное удовольствие. Словно в этом преодолении она ощущала себя совсем уже взрослым человеком, а потому имела право на определенную свободу.

Дни тянулись медленно и трудно. Утром, рано, она отправлялась в университет, вечером – в родильный дом и лишь глубокой ночью возвращалась домой, где ужинала, готовилась к завтрашним занятиям, записывала самые яркие впечатления в свой компьютерный дневник (реальному, бумажному, она все же предпочла компьютерный, из страха, что когда-нибудь кто-то, зашедший к ней в гости, случайно заметит его и прочитает) и буквально без сил валилась в постель – отоспаться.

Но рано утром она снова вставала, невыспавшаяся, пробуждалась окончательно под прохладным душем, завтракала и ехала в университет.

И что бы она ни делала в эти первые после своей утраты месяцы, Соне постоянно казалось, что бабушка где-то рядом, что она подсказывает, как ей лучше поступить, советует ей что-то, нашептывает, направляя внуку. И жить Соне от этого становилось чуть легче и уже не так страшно.

Конечно, Соне не хватало их долгих бесед, бабушкиных рассказов о ее жизни, и, хотя она все эти байки давно выучила наизусть, особенно про бабушкиных кавалеров, которые ухаживали с особой пышностью, задаривая ее дорогими украшениями и корзинами с цветами (во что верилось с трудом, поскольку Соня, уже будучи взрослой, ни разу не встретила мужчину, который, согласно описаниям бабушки, мог бы совершать подобные благородные и щедрые поступки, и ей казалось, что таких мужчин не может быть в принципе), ей хотелось бы слушать их до конца своих дней.

Они прекрасно ладили с бабушкой, понимали друг друга, и Соне никогда не бывало стыдно перед ней за какой-нибудь свой неблагоприятный поступок, за проявленную ею слабость или малодушие. Бабушка прекрасно готовила, и Соне всегда казалось, что она никогда, даже зная рецепт и имея возможность наблюдать за тем, как бабушка печет пирог с абрикосами или, к примеру, жарит рыбу, не сможет повторить это блюдо, что не сумеет, как бабушка, сделать что-то такое, важное и невидимое глазу, отчего все у нее получается таким вкусным. Но бабушки давно не было, а Сонины руки словно сами готовили, отмеряли столько, сколько нужно, муки или масла, сахара, яиц... И получалось, что и Соня, оказывается, тоже умеет печь пирог с абрикосами или мариновать селедку.

И вот теперь, давно уже научившаяся жить одна и нисколько не страдающая от этого, она, столкнувшись с изменой любимого, с его предательством, снова почувствовала необходимость в близком человеке, которому она смогла бы довериться.

...Она без особого настроения напечатала еще пару строк в своем дневнике:

«Я ее ненавижу. Ненавижу, так бы и убила, отравила, повесила! Как же хорошо я понимаю теперь убийц! Ведь убиваешь, когда становится уже невозможно!». Сохранила текст. Закрывает страницу.

И в эту минуту раздался звонок в дверь. Это было настолько редким явлением в ее жизни с тех пор, как умерла бабушка (это к ней, к Лидии Сергеевне, иногда навещали ее приятельницы выпить чашку-другую чаю и посплетничать о том о сем), что Соня вздрогнула, как если бы за окном раздался выстрел или прогремел неожиданный гром. Перебирая в голове возможных посетителей, начиная со слесаря из жилконторы, который заходил к ней время от времени – одолжить сотню-другую, и заканчивая соседкой Любой, решившей в очередной раз занять у нее соли или сахара, Соня не спеша направилась к двери. Причем она шла на цыпочках, в носках, чтобы дать себе возможность не открывать дверь в том случае, если она увидит в дверном глазке того, кого ей вовсе и не хочется видеть.

Она увидела женщину, почему-то показавшуюся ей знакомой. Она была не из жилконторы и не проживала поблизости. Какое-то неприятное, саднящее чувство охватило Соню, как если бы она сбила эту женщину на машине, сбежала с места преступления и вот теперь пришла пора расплачиваться за содеянное.

Но на машине она никого не сбивала. И никому ничего не должна. И еще одна странная ассоциация возникла в ее сознании, когда она еще раз взглянула в глазок на посетительницу. Грибы. Полная сковородка жареных грибов. И запах, такой приятный, грибной, луковый... А еще – полевыми цветами запахло в квартире.

Соня не понимала, что с ней происходит. Однако не побоялась, открыла. Правда, сохранила между собой и этой странной женщиной преграду – дверную цепочку.

– Вы кто? – спокойно спросила она, разглядывая гостью, женщину неопределенного возраста, невысокую, худенькую, с русыми волосами, убранными в пучок. Джинсы, темная коф-

точка с короткими рукавами. Половину лица закрывают очки-хамелеоны. Кожа на открытых взору участках лица покрыта желтоватыми и коричневыми пятнами.

– Сонечка... Ты, конечно, не помнишь меня, ведь ты же была тогда совсем маленькая...

Голос. Он тоже показался Соне знакомым. Больше того, ей вдруг померещилось, что таким же голосом с ней разговаривала мама...

– Постойте... Мне кажется, я знаю, кто вы...

Женщина улыбнулась, и Соня, к своему удовольствию, отметила, что зубы у ее родственницы, точнее, у тетки, которую она наконец узнала, вспомнив фотографии из семейного альбома, прекрасные – белые и ровные.

– Да, я – тетя Валя, но меня можно называть просто Валентиной, – и женщина счастливо улыбнулась.

– Проходите! Что же вы стоите?! – И Соня, поддавшись внезапному желанию расцеловать близкого ей по крови человека, младшую сестру матери, схватила ее за холодную руку и втянула в дом.

3. Май 2010 г. Глафира

В то, что с ней произошло, верилось с трудом. Вернее, совсем не верилось. Ну вот, судя по всему, ее похитили! Самым банальнейшим образом. Заманили, как последнюю доверчивую дуру, напоили в машине кофе с подмешанным в него снотворным и привезли в какое-то неизвестное место, скорее всего, в добротный загородный дом. Дом похитителей. Или же похитители, наверняка зная, что хозяева отсутствуют, сами забрались в этот прекрасный уютный дом, поселив туда Глашу, за которую, как пить дать, они потребуют с Лизы миллион долларов. Или больше. Ведь многим известно, что Елизавета Травина – девушка небедная. И муж ее, тоже адвокат, – далеко не из бедных. Словом, если с Адама, мужа Глафиры, мелкого бармена, взять нечего, то почему бы не воспользоваться денежками ее хозяйки?

Глаша сидела на широкой постели, потирая пальцами виски, и смотрела в окно. Она уже сто раз подходила к этому окну, забранному густой решеткой, но ничего, кроме восхитительного майского пейзажа (мощные ели, стройные тополя и зеленый кустарник, за которыми простирается нежно-голубое небо), не видела. Ни одного строения.

При других обстоятельствах ей бы этот пейзаж наверняка понравился. Она бы ходила по стриженому газону, охала и ахала, намекая Адаму, что хочет иметь все такое же красивое, зеленое, свежее – и эти цветочки-розочки, и травку густую...

Глафиру поместили в спальню хозяев. Прекрасно обставленная дорогой мебелью комната, невероятно красивая, в кружевах, постель, цветы в горшках. Создавалось впечатление, будто бы за домом ухаживали и что хозяева перед тем, как покинуть его, поручили приглядывать за цветочками надежных людей. Ну и что, что они оказались нечистыми на руку и решили всерьез заняться криминалом, в частности похищать людей? Каждый живет так, как он хочет.

«Но почему меня?» – устала уже задавать себе этот риторический вопрос Глафира.

Она снова поднялась с кровати, подошла к туалетному столику, абсолютно пустому и чистому (кстати говоря, внутри на полочках она не заметила и намека на какой-нибудь крем или лосьон), и осмотрела себя с головы до ног в высоком зеркале. Если оно не было приватизировано в одном из советских городских парков, из комнаты смеха в частности, то Глашины бедра элементарно не помещались в прямоугольнике зеркала, если она стояла к нему предельно близко.

«Мама дорогая, какая же я толстая!»

И не полная. Не пышечка. Не пухленькая. Не «в теле». Не обладательница пышных форм. Нет! А просто толстая корова, разъевшаяся до неприличия.

Собственно говоря, это не было открытием для Глафиры. Ведь именно этот факт и привел ее сюда, в этот дом. И разве не на этой больной теме решили сыграть подлые похитители? Вероятно, подсунули специально в почтовый ящик рекламную газетку с недвусмысленными объявлениями типа: «Легкий способ сбросить вес»:

«Помогу в короткий срок сбросить вес»;

«Хотите похудеть? Это к нам!»;

«Похудеете легко и без страданий»;

«Легкое и безопасное похудение»;

«Набрали лишние килограммы? Тогда вам – сюда»;

«Сбросьте вес без диет, подсчета калорий и применения силы воли».

Но ведь объявлений было немало, а она выбрала именно это. Возможно, все эти объявления дал один и тот же человек. Иначе как ее могли бы похитить, если бы она позвонила по другому объявлению? Не могли же они знать, что она обратит внимание именно на это объяв-

ление: *«Похудеете легко и без страданий»*. Глаша, зная, что отнюдь не понаслышке, что это такое – сидеть на диете, выбрала именно это объявление.

Понятное дело, что, решив позвонить в эту фирму, она предполагала, что ей всучат очередные таблетки или что-нибудь в этом роде. Зная, что это может быть опасно, она, уже отчаявшись самостоятельно сбросить вес, тем не менее готова была рискнуть, даже таким сомнительным способом попытаться достичь своей цели. Пусть это будет, рассуждала она, обыкновенное очищение организма или обезвоживание, пусть, но это уже какой-то шаг...

Словом, решив воспользоваться отъездом Адама и понимая, что он бы уж точно не одобрил ее желания похудеть любым способом, Глафира начала действовать. И что ж удивительного в том, что она все эти объявления нашла в рекламной газетке, кем-то засунутой в ее почтовый ящик? Возможно, эти же объявления печатались там и раньше, просто она не обращала на них внимания. Да что там – она вообще не открывала эти газетенки. И вот теперь...

Глафира понимала, что анализировать и рассуждать на эту тему она может бесконечно. Во всяком случае, до тех пор, пока не поймет, чего от нее хотят. Но что дело пахнет криминалом – в этом она уж точно не сомневалась. Во-первых, она чувствовала это. Во-вторых, ее привезли сюда помимо ее воли, усыпив (она помнила, как какая-то девушка-менеджер в темных очках и с черными, подстриженными под каре волосами предложила подвезти ее из офиса, куда она пришла, следуя указанному в объявлении адресу, в другой офис, за таблетками, и как эта девушка предложила ей стаканчик горячего кофе из термоса). И в-третьих, наконец, ее держали взаперти в комнате с зарешеченными окнами.

Глафира чувствовала себя неважно. Болела голова, страшно хотелось есть. Некоторые люди утверждают, что во время волнений у них пропадает аппетит. Но как он может пропасть, когда организм требует своего?

Отлично понимая, что она, большая любительница покушать, элементарно растянула свой желудок и что теперь ей будет стоить невероятных усилий его сократить, она отказывалась думать о чем-либо, кроме своей комплекции.

Еще это зеркало! Словно его повесили нарочно, для того чтобы она любовалась собой, такой большой, с мощными руками и ногами, с животом как у беременной женщины. А щеки?

Она вдруг представила себе, как охранники (а этот дом просто не может не охраняться, тем более что она же – узница!) хохотали над тем, как ее, двухсоткилограммовую, несут на носилках или просто тащат, подхватив под мышки, сюда, в эту спальню. Как отвратительно, очевидно, она смотрелась с волочащимися по полу толстыми ногами в плоских сандалиях! Хорошо еще, что на ней было не платье или юбка, а плотные хлопчатобумажные бриджи, да и рубашка мужского покроя опускалась почти до бедер. Во всяком случае, она не должна была задраться и открыть белый круглый живот или какую-нибудь неприглядную складку на талии...

Глафира, о чем ты думаешь? Вместо того чтобы размышлять, как поскорее выбраться отсюда, она переживает о том, как выглядела, когда ее тащили сюда, в эту комнату, похитители. И это – нормально?

Но, с другой стороны, какой смысл ей сейчас обдумывать план побега, когда дверь заперта, а на окнах решетки? Что тут можно придумать до тех пор, пока кто-то – тот, кто похитил ее, – не придет и сам не скажет, чего ему от нее нужно.

В углу спальни Глафира обнаружила ванную комнату с туалетом. И там было все необходимое – шампунь, мыло, полотенце и даже махровый халат, правда, размера на четыре меньше, чем у нее. А это значило, что хозяйка этой спальни была довольно-таки стройной особой. Во всяком случае, намного стройнее Глафиры.

От внимательного взгляда Глаши не ускользнуло, что и спальня, и ванная комната – чем дольше она здесь находится – приобретают признаки все же не временного жилища с его специфическими запахами и особенностями, а постоянного. Чувствовалось, что еще совсем недавно где-то тут висело чье-то мокрое после душа полотенце, на полу подсыхали банные шлепанцы, а в карманах этого, явно женского, белого халата можно было найти щетку для волос или тюбик с кремом. Но сейчас всего этого не было. Как не было и самой хозяйки.

Глафира, уже не зная, чем ей заняться, приняла душ, привела себя в порядок, сожалея о том, что исчезла ее сумочка, где она могла бы найти великое множество полезных для себя вещей.

К тому же она отлично помнила, что исчезли деньги. Пять тысяч долларов. Что же это было такое? Гипноз? Ее околдовали? Помнится, она позвонила по выбранному ею же самой телефону и сказала, что хотела бы встретиться с представителями этой фирмы, занимающейся продажей препаратов для похудения, и бесстрастный голос в трубке сказал, что лечение дорогое... Да-да, вот, она вспомнила! Именно так она и сказала – лечение. Как если бы полнота уже считается болезнью. Глафира спросила еще, почему так дорого, на что ей ответили, что, если у нее нет таких средств, она может обратиться в другую фирму.

«Господи, какая же я дура!!!» Она, что называется, повелась на это (*«Глаша, ты – дешевка, тебя заело, что тебя приняли за нищую!»*), ей стало ужасно любопытно, что же такое ей могут предложить за эти деньги, и она, сняв с банкомата и положив в сумку необходимую сумму (эти деньги Лиза отсчитала ей не так давно в качестве процентов с гонорара за удачно сработанное дело), вышла из дома и поехала по указанному в объявлении адресу.

Но вот денег она этой девушке-брюнетке со стрижкой каре не давала! Во всяком случае, она не помнила, чтобы давала. Значит, девушка сама взяла эти деньги. А если не девушка, то кто-то другой, получивший ее, крепко спящую, в свое распоряжение.

Но если ее попросту ограбили, то зачем было везти сюда, за город? Взяли бы деньги, а ее высадили бы (точнее, выложили) где-нибудь в городе. В тихом и укромном месте.

Она вздрогнула. Ей показалось, что в дверь поскреблись. И после этого раздался звук – вполне явный, звон ключей, – и дверь открылась. Сейчас она увидит наконец своих похитителей!

На пороге появилась девушка, худенькая, в рабочей одежде: потрепанные джинсы, просторная майка. Глаза бегают, словно она старается не смотреть на пленницу.

Глафира почувствовала, как по спине ее прозмеился холодок.

В одной руке девушка держала красное пластиковое ведро, в другой – швабру с толстой белой «кисточкой».

– Алло, уважаемая, – Глафира поднялась и подошла совсем близко к девушке. – Потрудитесь объяснить, что все это значит?

Тон ее голоса был требовательным, однако на девушку это не произвело никакого впечатления. Она молча принялась за уборку.

– Послушай, я к тебе обращаюсь! Это ты напоила меня кофе со снотворным и привезла сюда?.. Алло! Ты слышишь меня?!

Воспользовавшись тем, что девушка спокойно моет пол и отодвинулась уже довольно далеко от двери, Глафира метнулась к выходу, но налетела еще на одну дверь, запертую. Коридор – метр на метр.

– Послушайте, мне запрещено с вами разговаривать, – наконец услышала она более-менее вразумительную речь. Девушка говорила тихим, затравленным голосом. – Вы что, не понимаете, с кем имеете дело?

Разговаривая таким образом с Глафирой, она старалась не смотреть на нее и продолжала возить влажной тряпкой по паркету.

– Представьте себе – не понимаю! Что вообще происходит?! Меня что – похитили?

– Не знаю... Наверное. Мне же не докладывают. Я здесь давно, всякого навидалась. В прошлом месяце, к примеру, вот здесь, под этой кроватью, отрубленный палец нашла... женщину вообще не видела, не знаю, когда ее сюда привезли и увезли... Но палец был. Тонкий такой, с маникюром... На нем еще кольцо было.

– Заткнись! – не выдержала Глафира, чувствуя, как у нее начинает ныть живот. – Ты что такое говоришь?! Зачем меня пугаешь?

– Пугаю? – Девушка вдруг резко повернулась к ней и посмотрела на нее невидимыми под темными стеклами очков глазами. Глафира почти физически почувствовала этот взгляд. – Да вы что... Я просто хотела предупредить вас, что эти люди опасны! Вот и все. Ведь если они пальцы отрубают...

– Почему мне ничего не говорят? Почему не дают телефон, чтобы я позвонила, скажем, Лизе или...

– Они уже звонили ей, – вдруг услышала она и обомлела.

– Так, значит, ты все же что-то знаешь?

– Так, самую малость... просто услышала отрывок разговора по телефону. Звонили вашей знакомой или родственнице.

– Она моя работодательница!

– Да я-то откуда знаю? – с таким видом, словно ей причинили боль, произнесла девушка. – Так вот, они обращались к ней по имени-отчеству – Елизавета...

– ...Сергеевна! Елизавета Сергеевна Травина, известный в городе адвокат.

– Ну вот, значит, ей они и звонили, я так думаю.

Глафира вдруг поняла, что грубо разговаривает с человеком, который, возможно, находится в этом плену давно и вообще здесь ни при чем. А она обращается с ней, с этой девушкой, так, словно это она ее похитила. Да, возможно, хозяева заставили ее напоить Глашу кофе в машине и привезти сюда. Но это не значит, что она – организатор похищения.

– Слушай, прости, что я наорала на тебя. Сама понимаешь, нервы на пределе... Тебя как звать-то?

– Алевтина, – немного обиженным голосом ответила девушка. – Да я все понимаю. Не первый раз все это слушала...

– Ты мне скажи, хозяева твои – кто они такие? Что за люди? И дом? Кому он принадлежит? Им?

Глафира представила себе, как ей удастся чудесным образом выбраться отсюда и она пытается вернуться, отыскать этот дом и вместе с ним – хозяев, чтобы привлечь их к ответственности.

– Я ничего не знаю, говорю же!

Алевтина с усердием вычищала углы спальни, затем достала из кармана фартука тряпку и принялась протирать пыль.

– Поскорее бы уже сказали, чего им от меня надо... – презирая себя за малодушие, проговорила Глафира, чувствуя, как голод просто гложет ее изнутри. В это время суток она там, на свободе, была сыта и довольна и занималась любимым делом. Что ожидало ее сейчас, представить было невозможно. Конечно, если похитители вышли на Лизу и попросили у нее денег, она непременно соберет необходимую сумму. Причем в короткий срок, это без проблем. Но Лиза не из тех, кто отдаст деньги, не удостоверившись, что Глаша жива и здорова. Не исключено также, что она обратится в милицию.

– Я понимаю, конечно, что это звучит глупо... Но я так хочу есть! Может, принесешь мне что-нибудь? Кусочек хлеба? Желательно, правда, с колбасой... Ты же вхожа в кухню?

– Конечно, принесу! Все, что найду, то и принесу, – пообещала Алевтина, кивая головой и не отрывая взгляда от подоконника, который она тщательно протирала. – Я всегда приносила еду. Кроме той, что давали хозяева.

– А телефон ты мне можешь принести?

– Нет. Вот чего не могу, того не могу. У меня нет телефона. И вообще, я должна вести себя осторожно, иначе мне не поздоровится. Ладно, я вам и так много чего сказала. Сейчас постараюсь вынести из кухни еду. А вы... Как вас зовут?

Она наконец-то подняла голову, и взгляды их, как показалось Глаше, встретились.

– Глафира, – упавшим голосом произнесла Глаша. – Можно просто Глаша.

4. Май 2010 г. Лиза

Лиза вернулась в офис ближе к вечеру, уставшая, раздраженная, поскольку все ее усилия хоть как-то связать исчезновение Глафиры с ее возможным обращением в фирму, торгующую средствами для похудения, не принесли никакого результата. Она обзвонила все обнаруженные в рекламной газете фирмы, даже лично побывала в некоторых (двери одного офиса были закрыты, да и на телефонные звонки никто не отвечал) и поняла, что Глафира все же не такой человек, чтобы верить каким-то там опасным таблеткам. Конечно, она хотела похудеть, и Лиза прекрасно знала об этом. Тем более время от времени она сама, не думая о последствиях, упрекала Глашу в том, что та совершенно не следит за своим здоровьем, что ожирение может губительно сказаться на сердце и печени. Но не факт, что исчезновение Глафиры все же связано с ее желанием похудеть.

Лиза понимала, что она, адвокат, специализирующийся на работе, связанной со многими аспектами юридической деятельности – наравне с такими, как расследование преступления параллельно официальному, прокурорскому расследованию, а также с поисками людей или с возможностью предотвратить преступление или же помочь клиенту просто избежать наказания в случае, если совершенное им преступление в человеческом понимании преступлением как бы не является, – сейчас оказалась перед проблемой поиска близкого ей человека. И оказалось, что работа эта гораздо сложнее, чем все то, чем ей приходилось заниматься до этого случая. Пропала Глафира, ее помощница. И ни одной зацепки! Ни одной! С чего начинать поиск? Обращаться к друзьям из милиции? Пожалуй, так. Надо бить во все колокола. Глаша не такой человек, чтобы не сообщить о себе, даже в случае, если бы судьба закинула ее на необитаемый остров. Она достаточно умна, чтобы сообразить, как известить Лизу о постигшей ее проблеме. И если она до сих пор никак не проявилась, значит, у нее просто не было такой возможности. Причин для ее молчания Лиза видела три: первая – Глаша находится взаперти и не может выбраться оттуда, куда ее упрятали; вторая – она больна и не может позаботиться о себе, то есть находится в беспомощном состоянии. И третья – о чем было даже страшно подумать – ее уже нет в живых.

Рассуждать о ком угодно, только не о близких людях, как оказалось, было не трудно. Но представить себе Глашу – упрятанную в каком-нибудь подвале, избитую, окровавленную... Только вообразив все это, Лиза чуть не заплакала. Мертвой она себе Глашу, к счастью, даже и представить не могла. Возможно, она все-таки заболела? Может, с ней случился какой-нибудь микроинфаркт или микроинсульт... Вот до чего может довести избыточный вес!!!

Лиза понимала, что курить нельзя, что она сводит с ума Гурьева, когда дымит ему, беременная, в лицо. Поэтому, понимая, что у нее нет другого выхода, Лиза вытряхнула из сумки все мятые пачки с остатками сигарет и скопом отправила их в камин. Плеснула на скопившийся в квадратной пасти камина бумажный мусор и сигаретные пачки специальной жидкостью для разжигания огня, уложила сверху немного сухих тонких поленьев и тоже облила их, затем подожгла. Вот теперь, при виде разгоравшегося огня, ей как будто стало теплее. А то прямо зубы стучали. От холода или нервного озноба – неизвестно.

Итак. С чего начинать поиски? Вот была бы здесь Глаша – подсказала бы!

Лиза позвонила Мирошкину, своему приятелю, следователю прокуратуры. Оказалось, он знал об исчезновении Глаши. Он подтвердил самые худшие опасения Лизы.

– Глаша твоя не такая, чтобы отмалчиваться... Думаю, с ней случилась беда и ее надо искать. У тебя есть зацепки? – спросил он.

Лиза рассказала про объявления.

– Глупости все это. Даже если предположить, что она купила таблетки и выпила их, что с того? Этим занимаются многие женщины в нашем городе. Если бы они все после этого исчезли, то представляешь, что было бы с нами, мужиками?

– Сережа, но куда еще она могла отправиться? Я почему заинтересовалась именно этими объявлениями. Понимаешь, все сложилось как-то очень уж подозрительно и гладко. Адам отправился в Крым. Если учесть, что он редко покидает Глашу, они постоянно вместе, то тут его отсутствие могло подтолкнуть ее к действиям, понимаешь? Она – дома одна и может заняться собой. Может, при Адаме она не стала бы экспериментировать над собой и принимать таблетки, тем более что зачастую эти препараты направлены на выведение жидкости из организма, а потому действуют как слабительное.

– Я понял. Ну что ж, если хочешь, я отправлю своего человечка по этим объявлениям. Может, и удастся что-нибудь накопать.

– Я была там, но мне ничего не удалось узнать. Подумалось даже, что я не вызываю доверия уже тем, что выгляжу как скелет, понимаешь? Вот если бы я была полная и у меня на лице читалось отчаяние – мол, помогите мне, толстой, бога ради, – тогда бы ко мне и отнеслись с большим пониманием, а так...

– Я понял. Есть у меня такой человечек. Одна дама, внештатная наша сотрудница. Она работает на рынке, добывает для меня информацию. Так вот, у нее приблизительно такая же комплекция, как у Глафиры.

– Отлично, Сережа! Тогда действуй. Родина тебя не забудет.

Но и после разговора с Мирошкиным Лизе не стало легче. Она даже прилегла на диван, собираясь немного расслабиться и подумать хорошенько о том, где искать Глашу.

Но отдохнуть ей не удалось. Раздался звонок. Осторожный. Так звонят потенциальные клиенты, знающие, что обращаются они к дорогому адвокату, но не уверенные в том, хватит ли у них денег, чтобы расплатиться с ним.

Лиза с трудом заставила себя подняться с дивана. В глазок она увидела знакомое лицо, но не сразу поняла, кто это. И лишь когда она распахнула дверь и увидела картонную коробочку, полную кремовых пирожных, источающих одуряющий запах свежего масла, бисквита и ванили, ей снова захотелось плакать. Женщина, которая принесла эти пирожные, испытывала необъяснимую симпатию к Глафире – та почти каждый день заглядывала в расположенную в двух шагах от их конторы кондитерскую и покупала выпечку именно у нее. Звали ее...

– Меня зовут Люба, вы узнали меня? – спросила, улыбаясь и показывая мелкие ровные зубки, пухленькая, с розовым лицом женщина. Казалось, что и она тоже сделана из нежного теста, сливочного крема и марципана.

– Да, конечно, проходите, пожалуйста.

– Это для вашей помощницы, Глафиры.

Лиза почувствовала, как по щекам ее потекли слезы.

– Она пропала, представляете?! – поделилась она с незнакомым, по сути, человеком. – Исчезла – и все!

– Господи, ужас-то какой... Но, может, все обойдется?

– Да вы проходите, сейчас чайку попьем с вашими пирожными... Кстати, сколько я вам должна за них?

– Нисколько.

И вот тут Лиза заметила, что женщина смотрит на нее как-то особенно, словно хочет что-то сказать, но не решается.

– Люба, да вы садитесь... У вас ко мне дело, быть может?

– Да, дело... Но от чая я бы не отказалась.

Лиза отправилась в маленькую кухню, включила электрический чайник. На кухне было все аккуратно разложено, коробочки с чаем находились на верхней полке и все были подпи-

саны. «Ангел цветов», «Глаз Феникса», «Бабочка на цветке», «Персик бессмертия»... Или просто – «Зеленый», «Черный», «Каркаде»... Глафира знала толк в чае.

За чаем Люба начала рассказывать.

– Понимаете, у меня есть соседка. Ее зовут Соня. Молодая женщина... Даже скорее девушка. Да только уж слишком серьезная. Взрослая. Работает много, домой возвращается поздно. Домоседка. Вечером почти из дома не выходит. Раньше, когда у нее был молодой человек, она куда-то с ним ходила, я их даже видела вместе. А вот в последние месяцы – сидит дома, думаю, телевизор смотрит. Словно потеряла вкус к жизни. Я так поняла, что бросил ее этот молодой человек. Но это не мое дело, так ведь?

– Так, – Лиза заставила себя проглотить кусочек нежного пирожного. Мысли о Глафире не покидали ее. – И что же дальше?

– Она не одна живет, а с женщиной. Знаете, невзрачная такая женщина, неопределенного возраста. Хотя она не так уж и стара, просто у нее что-то с лицом... Так вот, я думаю, что это ее домработница, да только соседка моя, Соня, этого стыдится. А чего тут стыдиться, когда многие сейчас держат прислугу? Как же без нее, когда ты целыми днями на работе? А тут приходишь – ужин накрыт, все чисто убрано, вещички перестираны-переглажены. Словом, Валентиной ее зовут. Мне думается, что многие люди склонны прятать свои чувства поглубже. Как Соня моя. Вот и эту женщину, я так полагаю, она приютила из жалости. И кров ей дала, и еду. А та взамен помогает ей по хозяйству.

Лиза слушала без всякого интереса. Однако она живо представила себе скучную и унылую жизнь какой-то Сони, вечно занятой на работе и возвращающейся домой к ужину. И вот сидит она за столом в компании такого же убогого и унылого существа, как сама...

– И что же эта Валентина, какой у нее характер? – спросила она, чтобы представить себе выражение лица этой неизвестной женщины. А вдруг она хохотушка и вообще веселая женщина?

– Да никакая! – всплеснула руками Люба.

Сама Люба в представлении Лизы была человеком позитивным, активным, энергичным и жизнелюбивым. И если и проявлялась в чем-то ее слабость, то, как и у Глафиры, – в желании вкусно и много поесть. Лиза от скуки представила себе Любу, хлопчущую у себя на кухне, и улыбнулась. Какая, в сущности, разница, что представляют собой все эти женщины, и зачем эта Люба вообще пришла? Угостить Глафиру пирожными? Вряд ли. Люба – практичная особа, умеющая считать деньги. И эти пирожные – аванс за то, что ее выслушают или, может, помогут советом. Но ведь Люба отлично знает, что у Лизы – адвокатская контора.

– Они обе – страшные аккуратистки. Вот как ни заглянешь к ним, за солью, там, или за картофелиной... У меня однажды такое было. Собралась приготовить винегрет, а картошки нет. Все есть. И капуста, и свекла, и соленые огурцы...

Лиза подавила зевок.

– Словом, когда я бывала у них, всегда замечала, какая кругом чистота, все аккуратно сложено, нигде ни пылинки... Я-то сама, надо сказать, не такая. Да, у меня тоже все чисто, но как-то раскидано, что ли... Дочка говорит, что я – росوماха.

Люба, вдруг осознав, что излишне затянула прелюдию, внезапно смолкла и как-то странно посмотрела на Лизу.

– Я понимаю: слушаю меня, вам может показаться, что все это – несущественно и что об этом вообще не стоит говорить. Но вчера вечером я позвонила к ним, чтобы попросить два яйца для омлета. Пошла ранняя клубника, и я решила приготовить любимое блюдо моей дочери – омлет с клубникой. Но у меня было всего два яйца. Но чтобы омлет получился попышнее...

– И что? – перебила ее Лиза, с трудом сдерживаясь, чтобы не наругать. Но как можно наругать человеку, чьи пирожные ты ешь?

– Да то, что я долго звонила, а был поздний вечер... Словом, кто-то из них уж точно должен был находиться дома. Понимаете, повсюду грабят квартиры, вот и в нашем подъезде не так давно тоже ограбили – сразу две. Знаете, говорят, что приходили две женщины-гипнотизерши... Смотрят они вам прямо в глаза и говорят: отдайте свои сережки и кольца, принесите все свои деньги... И люди им все отдают. Можно сказать, добровольно. Так вот. Это я к тому, что квартира у Сони – богатая. Она ведь раньше с бабушкой своей жила. Очень достойная была женщина. И эта бабушка оставила ей хорошую такую обстановку, хрусталь, опять же... Словом, там есть что брать. И поэтому, быть может, Соня приютила эту Валентину, чтобы та сторожила квартиру.

– Постойте... Откуда вы знаете, что она ее приютила?

– В том-то и дело, что я не знаю. Но, будь она ее родственницей, разве стала бы Сонечка так бессовестно ее эксплуатировать? К тому же нормальный человек пошел бы работать, правда? А эта сидела дома, все готовила да пылесосила...

– Скажите, Люба, что произошло?

– Когда я вчера заглянула к ним, дверь была приоткрыта. Я заглянула и позвала – мол, эй, куда вы подевались? Мне и нужно-то было всего два яйца, я же говорю вам...

– И что?

– Да то, что в доме все перевернуто! Вернее, не то что перевернуто, но – беспорядок. А это – ненормально. Для кого-то, может, и нормально, да только не для Сонечки с Валентиной. И это бросается в глаза.

– И что? Вы вызвали милицию?

– Зачем? – удивилась Люба, и Лиза отметила про себя, как же жирно блестит ее маленький аккуратный носик. Словно она его время от времени смазывает душистым масляным кремом для пирожных. – Мало ли куда люди отлучились? Может, в магазин за хлебом вышли...

– Так вы же сами говорите, что кто-нибудь из них постоянно находится дома.

– Понимаете, я боюсь туда заходить одна. Говорю же, квартира – богатая. Если пропадет что – на меня потом все свалят. Да и милицию я тоже не вызывала – побоялась, что меня по судам затаскают. А у меня работа посменная. И Катька моя не станет пахать по две смены, поставит вопрос о моем увольнении, и ей начальство пойдет навстречу, потому что они – дальняя родня...

– Люба, дорогая, чего вы хотите от меня?

– Чтобы мы вместе с вами зашли туда и чтобы я убедилась, что все в порядке. Я сегодня целую ночь не спала!

– Муж у вас есть?

– Он в командировке, как назло.

– А дочь?

– У нее экзамены, я не хочу ее травмировать.

– Вы считаете, что с этой квартирой... не все в порядке?

– Ну да!

– Это далеко отсюда? – Лиза и сама удивилась своему вопросу. Как так могло случиться, что ее грустные размышления о возможном местонахождении Глафиры были прерваны профессиональным зудом – на самом деле, что же там произошло? Теперь, после того как Люба поделилась с ней своими наблюдениями, ей и самой показалось подозрительным, что люди, помешанные на чистоте и порядке, пренебрегли своими принципами и все разбросали. Только нечто необычное могло спровоцировать их на подобные действия. Какое-нибудь форс-мажорное обстоятельство. Вот только непонятно, почему же все-таки Люба не обратилась за помощью к участковому? Объяснила бы ему по-человечески... Хотя участковый – лицо официальное. И если Люба так осторожничает или скорее даже трусит, то, конечно, ее желание

обратиться к знакомой симпатичной женщине, Глафире, большой любительнице пирожных, работающей у профессионального адвоката, вполне можно понять.

Возможно, подсознательно желая отвлечься от тяжких раздумий и чувствуя свое полное бессилие в решении проблемы, связанной с пропажей Глаши, Лиза согласилась проехать с ароматной продавщицей пирожных до ее дома.

Они вышли из конторы, Лиза тщательно заперла дверь и даже позвонила в охранное агентство (вот уж, действительно, чрезмерная осторожность, если учесть, что уже пропало самое ценное в офисе – Глафира), после чего они с Любой сели в немного вульгарный в своей кричащей роскоши «Крайслер» («Глаша, это моя любимая игрушка!»), который Лиза от радости этого приобретения и переполнявшей ее нежности и гордости окрестила «Хидклифом», и покатали по влажным после дождя улицам в сторону набережной.

5. Май 2009 г. Соня

Она и сама не могла понять, как могло случиться, что она восприняла появившуюся в ее доме Валентину с радостью. Причем с искренней радостью. Прежде окруженная лишь чужими людьми, она вдруг увидела в лице тетки единственного близкого ей человека.

Довольно простая в общении, некрасивая, но ужасно добрая, Валентина оказалась, к счастью, невероятно чистоплотной женщиной. Все, к чему прикасались ее натруженные сильные руки, начинало блестеть, сверкать чистотой. «Это у нас наследственное – чистота», – любила повторять про себя Соня, с каким-то приятным трепетом глядя на то, как Валентина насухо вытирает тарелки и складывает их в шкаф или вычищает до блеска кафельные плитки в ванной комнате.

По словам Валентины выходило, что она – инвалид (после пожара в каком-то санатории у нее обгорело лицо, оказались повреждены сухожилия на кистях рук и открылись какие-то многочисленные хронические внутренние болезни), но работать может. Приехала к племяннице из далекого Сургута, чтобы не оставаться там одной.

«У меня есть деньги, я могу купить себе квартиру, – заявила она в первый же час пребывания в доме у племянницы. – Но это – не принципиально. Я могу отдать их тебе, чтобы ты вложила их в свое дело, а сама буду жить с тобой, помогать тебе. Я работы не боюсь. Буду вести все хозяйство».

Растроганная Соня сказала, что ничего вкладывать в ее дело не надо, у нее и так все идет хорошо, жаловаться грех. Посоветовала тетке держать деньги в банке и заниматься своим здоровьем.

Первый вечер как-то все расставил по своим местам. Соня угостила тетю ужином, после чего они долго пили чай с конфетами, рассказывали друг другу о чем-то важном, словом, пытались раскрыться и понравиться друг другу.

Валентина сидела за столом, раскрасневшаяся после горячей ванны, с тюрбаном из полотенца на голове, в красивом бархатном халате Сони, и была готова расплакаться от охватившей ее радости по поводу их встречи и такого душевного, теплого приема. Соня тоже испытала к приехавшей внезапно тете волну родственной нежности. Ей сразу захотелось сделать для тетки что-то хорошее...

Однако было еще что-то, мешавшее Соне окончательно расслабиться и найти покой в теплых теткиных объятиях. И это «что-то» требовало к себе внимания. Она должна была объясниться с Валентиной.

Они выпили по рюмке коньяку, и Соня, накрыв ладонью руку Валентины, сказала, краснея от жгучего стыда:

– Я помню... Я все помню. Ты приезжала сюда в прошлом году и пришла в мой магазин. Сказала, что ты моя родственница. Не знаю, что на меня тогда нашло, просто не знаю... Это потом, когда ты ушла и я поняла, что натворила, мне стало стыдно. Но я не знала, как совладать с собой. И все дело – не в тебе...

Она вдруг поняла, что именно поэтому, наверное, она и встретила свою тетку на этот раз так душевно – потому что чувствовала свою вину перед нею. Но Соня не могла не оценить и мужество самой тетки, рискнувшей приехать сюда, в незнакомый ей город, к своей непредсказуемой племяннице, после всего, что та наговорила ей тогда. Кажется, в тот раз Соня в довольно-таки грубой форме сказала ей, что родственников у нее нет и она просит тетю покинуть магазин.

Как раз в тот момент, когда она достигла определенных успехов в своем деле, когда ее магазины начали приносить хорошую прибыль, которая, однако, вместо того чтобы как-то успокоить Соню, наоборот, вызвала в ее душе новую волну депрессии, и появилась незнако-

мая ей женщина, представившаяся ее родственницей. Словно эта самая родственница только и ждала, что вот Соня разбогатеет и начнет раздавать свои деньги налево и направо.

Девушка видела много фильмов на эту тему, и хотя речь в них шла о знаменитых людях, актрисах к примеру, ей показалось, что эта схема могла бы сработать и на более скромном уровне. Как в ее случае, к примеру.

Хотя, возможно, Валентина элементарно попала Соне под горячую руку. Кажется, накануне ее появления в магазине Соня увидела Андрея в кафе, обнимающего свою невесту – Веру Клец. Или заметила их вместе в каком-нибудь другом месте. Эта сладкая парочка не сидела вечерами дома, их можно было встретить в ресторане или даже на дискотеках. И повсюду они сидели обнявшись. И Соня вновь и вновь мысленно готовила убийство этой самой Веры.

Потом, уже придя домой и вспомнив эту жуткую, унижительную для них обеих сцену в магазине (ведь это действие наблюдали продавщицы), Соня испытала чувство даже не то что вины, а какого-то омерзения к самой себе. Ей даже показалось, что, если бы они с Андреем не расстались и он случайно подсмотрел бы, как лихо Соня расправляется со своими бедными родственницами, он бросил бы ее незамедлительно. Ведь ясно же, что Андрей – мужчина нежный, ласковый и что женщина ему нужна такая же. Возможно, именно поэтому-то он и предпочел ей Веру?

Но она-то – не Вера! Не Вера! У нее свой характер, и в нем тоже есть много положительных черт. Она упрямая, трудолюбивая, терпеливая, серьезная, чистоплотная... Да и внешне очень даже ничего.

Сказать, что Соня вспоминала потом свою родственницу, которая сильно смахивала на ее покойную мать и, возможно, являлась родной маминой сестрой, то есть родной теткой самой Соне, – такого не было. Неприятный осадок остался, но не более того. Жизнь ее и так была до предела наполнена саднящими воспоминаниями и впечатлениями – она, вероятно, просто мазохистка от природы, все продолжает и продолжает по мере возможности следить за этой парочкой, – так что одним неприятным ощущением больше, одним меньше...

Чтобы не так страдать от боли, Соня пыталась найти способ переключить свое внимание на что-то другое, вернее, на кого-то другого. Даже знакомилась несколько раз с какими-то мужчинами, которых ей предлагало брачное агентство. Но даже ее деньги не помогли ей найти хотя бы просто нормального, непьющего и занятого работой мужчину. Попадались одни, на ее взгляд, идиоты, пьяницы, шизофреники или просто моральные уроды. И все они, конечно же, были нищими. А нищими их сделала не жизнь, как они себе говорили, а отсутствие ума, и это было ее твердое убеждение.

Ходила она и на прием к психоаналитику, который, узнав, кто она и чем занимается, предложил ей свои постоянные консультации. Соня сказала, что для начала она должна попробовать поработать с ним, чтобы определиться со своим будущим. Но после пары сеансов она поняла, что никому, даже самому умному и модному психоаналитику, не позволит заглянуть внутрь ее души и мозга. Тем более что там она складировала миллион способов убийства соперницы, целые тома записанных на тонкий материал разума – на подкорку – комплексов, страхов и фобий... Нет, пусть она остается такой, какая она есть, тем более что она-то отлично знает, откуда растут ноги ее хронической депрессии.

Достаточно Андрею вернуться к ней, как все сразу изменится и окружающий ее мир заиграет новыми, солнечными красками. Ведь так уже было, она же была счастлива...

– Так, значит, вот в чем дело, – вздохнула Валентина после того, как подвыпившая и рассиропившаяся Сонечка рассказала ей о своей душевной боли и своей огромной и неистребимой любви к Андрею. – Ты любишь его, а он, мерзавец, ушел к другой. Но можно же попытаться вернуть его...

Она, эта простая женщина с некрасивым, обезображенным шрамами и коричневыми пятнами сгоревшей кожи лицом, женщина без будущего, без любви и семьи (по глубокому убеждению Сони), нашла именно те слова, которые Соня и ожидала услышать от близкого человека. Валя как бы предложила ей свою помощь, хотя нуждалась в ней куда больше Сони.

– Я не могла никому рассказать о том, как я страдаю! – разрыдалась Соня у нее на плече. – Ты живи здесь, пожалуйста. Тебе не надо будет работать, у меня есть деньги. Зато я буду знать, что, когда я вернусь домой, меня встретит близкий, родной человек. И как же это здорово, что ты нашла в себе силы вернуться сюда, ко мне! Ты уж прости меня...

– Я давно уже тебя простила, – ответила Валентина. – Было же видно, что ты не в себе. Я так сразу и подумала, что у тебя что-то случилось и что ты, скорее всего, просто меня не узнала.

– Я только потом догадалась, что это была ты. Как там, в Сургуте?

– Я же говорила тебе, что мне просто страшно стало там жить одной... У меня одна знакомая в соседнем поселке вот так умерла. Стало ей плохо с сердцем, а жила она одна. И она тоже была на инвалидности. Словом, никто ее и не хватился. Она целую неделю лежала, мертвая, дома. И кошка ее орала...

– Не надо, не надо! Я все поняла. Ты правильно сделала, что приехала сюда. А квартиру ты продала?

– Нет, не продала, но, если ты скажешь, продам сразу же.

– Нет-нет, это я просто так спросила. Я же говорю – ты и деньги свои держи крепко, никуда не трать. Я буду давать тебе на расходы, на продукты. Ты готовить умеешь?

– Умею.

После того как они о многом рассказали друг другу и Соня почувствовала сильную усталость, да к тому же еще у нее разболелась голова, решено было ложиться спать.

– Я постелила тебе в той комнате, где раньше мы спали с сестрой, когда приезжали в гости к бабушке. Это она мне рассказывала. Знаешь, Валентина, иногда мне кажется, что это было не с нами. Словно это не мы поехали тогда в этот пансионат. Как он назывался?

– Твоя бабушка мне писала, но я не запомнила. Какие-то «зори»...

– Постой, дай-ка вспомню... Не «зори», а «дали»! Голубые или синие...

– Бирюзовые?

– Вот, точно! Пансионат «Бирюзовые дали». Знаешь, я всегда думала, что запомнила это название, но каждый раз почему-то забываю. Какое-то дурацкое название...

– Интересно, там до сих пор выдают лодки? И люди целыми семьями плавают вдоль берега.

– Говорят, что отец был сильным и орудовал веслами так, что и не заметил, как далеко они отплыли от берега. И никто не мог предположить, что в лодке дыра. Под решеткой. И лодка медленно, но верно наполнялась водой. И они кричали, сильно, громко – мама, моя сестра Женечка и отец. Но были сумерки, все ушли на ужин. Еще пошел дождь...

– Какая трагедия! А как случилось, что ты не поплыла с ними?

– Бабушка говорила, что у меня заболел живот, это меня и спасло.

– Сколько тебе тогда было? Три? Четыре?

– Три года.

– Ты что-нибудь помнишь?

– Думаю, нет. Хотя... Вроде за мной приехала бабушка, сказала, что мне лучше не быть на похоронах.

– Неужели ты совсем ничего не помнишь?

– Помню только, что в квартире бабушки – вот здесь, в этой квартире – было очень тихо. Я знала, что мои родители и сестра утонули, но представить себе это не могла. Я же не видела их мертвыми.

– Говорят, тела нашли не сразу.

– Не знаю я. Помню, что в доме сильно пахло лекарствами – это моя бабушка болела, к ней без конца приезжала «Скорая». И врачи делали ей уколы. На меня, на девочку, это производило большое впечатление.

– Их хоронили одновременно?

– Конечно. Как же иначе? Валя, давай не будем об этом. Так тяжело все... Думаю, моя жизнь сложилась бы иначе, если бы были живы мои родители. И вместе с сестрой мне было бы не так страшно идти по жизни. Я хоть и помню ее смутно, но без нее моя жизнь какая-то пустая. У меня так и не появилась подруга, близкая подруга, понимаешь?

– Понимаю. А вот у меня в Сургуте были две подруги. Но одна умерла, я тебе рассказала, как жутко все это произошло. А другая жива, но она вышла замуж и уехала в Сочи. Так хотелось ей пожить в теплых краях, что она вышла замуж за довольно-таки пожилого господина, который приезжал к нам, в Сургут, по делам.

– И как, она счастлива?

– Думаю, да. Она писала мне. Рассказывала, что у них квартира в Сочи и еще какой-то дом, где они размещают туристов летом. И что они хотят превратить свой гараж в двухэтажное строение, чтобы и туда пускать отдыхающих. Шла стройка, она готовила еду для рабочих, была очень занята, но все равно, выкроила время, чтобы черкнуть мне. И тон ее письма показался мне хорошим, оптимистическим. Может, там любви никакой и нет, но уважение и остальные теплые чувства – есть.

– Вот видишь, она нашла свое счастье в зрелом возрасте.

– Почему в зрелом? Она не намного старше и меня, и тебя.

– А тебе сколько лет?

– Я понимаю, что выгляжу старовато, но моя мама, твоя бабушка, которую ты постоянно упоминаешь, Лидия Козельская, родила меня в тридцать восемь лет.

– И какого же ты года рождения? Напомни, – попросила Соня.

– 1983-го. А ты, как я понимаю, 1985-го?

– Значит, ты старше меня всего-то на два года?! А я тебя все – «тетя» да «тетя»... Послушай, а почему вы с бабушкой практически не общались?

– Да так уж получилось... А она что рассказывала? – как-то особенно грустно, сощурив свои длинные глаза, спросила Валентина.

– Что ты очень рано связалась с каким-то парнем, сбежала, и тоже, кажется, в теплые края, – Соня попыталась улыбнуться.

– Если бы это еще принесло мне счастье! Знаешь, я не люблю об этом вспоминать.

– Ну и ладно. Давай спать, – Соня подошла к своей тетке, обняла ее и даже поцеловала в коричневую обожженную щеку. – Ты расскажешь мне завтра, что случилось с твоим лицом?

6. Май 2010 г. Глафира

Алевтина выполнила свое обещание и принесла Глафире поесть. Увидев размазанную по красивой, из дорогого сервиза, тарелке какое-то зеленое месиво, Глаша подозрительно посмотрела на Алевтину:

– Аля, что это такое?

– Суп-пюре из цветной капусты, – извиняющимся голосом ответила та.

– А колбаски в холодильнике не нашлось?

– Хозяева такое не держат. Едят вот эту... гадость. Очень себя любят, хотят подольше пожить. Ни соли, ни сахара, ни хлеба. Тоска страшная. Не понимаю, зачем тогда человеку столько денег, если он не может всласть поесть!

Кажется, эта рабыня-домработница в очередной раз нашла в лице пленницы благодарного слушателя.

Глафира вздохнула и зачерпнула ложкой зеленый густой супчик. Попробовала.

– Знаешь, ничего, особенно когда ты голодная как черт. Жаль только, что перед смертью придется мне хлебать это пойло, вместо того чтобы позволить себе поесть жареной свининки или угоститься пирожными из нашей кондитерской. – Тарелка очень быстро опустела. – Чувство голода осталось. Что делать? Может, ты принесешь что-нибудь еще?

Алевтина ушла, и Глафира совсем приуныла. Она так ждала, что теперь, когда прошло столько часов, ей дадут хотя бы телефон, чтобы она могла поговорить с Лизой. Но ничего подобного не произошло. Какая-то странная рабыня; суп-пюре из цветной капусты...

Дверь распахнулась, и быстрым шагом вошла Аля. В руках ее на этот раз был противень, прикрытый фольгой.

– Мясо?! – Глафира вскочила с кровати и почувствовала, как у нее закружилась голова. От слабости, подумала она.

– Нет, не мясо, конечно, но тоже кое-что интересное... Правда – остатки, так сказать, с барского стола. Вот! Тыква фаршированная овощами. Ты поешь, пока дают. Не знаю, где я буду вечером и, вообще, вспомнят ли о тебе. Есть еще чай, травяной, с медом.

Глафира с тоской вонзила вилку с желтую мякоть печеной тыквы. Хотела было заплакать, но передумала и принялась с аппетитом поглощать этот вегетарианский шедевр.

7. Май 2010 г. Лиза

Дверь интересующей их квартиры на самом деле оказалась незапертой. Лиза достала из сумочки резиновые хирургические перчатки, взялась за ручку и потянула ее на себя.

– Уверена, что это нехорошая квартира, – сказала она и без того перепуганной Любе. Сделала шаг. – Где здесь включается свет?

Свет вспыхнул, вероятно, Люба точно знала, где находится выключатель. И взорам обеих женщин открылся длинный просторный коридор, заваленный какими-то вещами, как если бы кто-то решил опустошить шкаф в прихожей. По полу были разбросаны шарфы, шапки, зонты, обувь...

– Ну вот, говорила же я вам! Разве Сонечка позволила бы сотворить такой беспорядок? – прошептала Лизе в самое ухо Люба, обдавая ее ароматами сдобы.

Лиза достигла конца коридора, открыла дверь, ведущую в кухню, и увидела распростертое на плиточном, с шахматным рисунком, полу тело женщины. Судя по описанию, это и была домработница. Сложно было бы определить ее возраст, поскольку лицо ее было обезображено странными коричневыми пятнами, словно в него (в свое время) плеснули кислотой. Длинное, худое тело. Коричневая юбка слегка задралась, открыв белые тонкие ноги в красных шерстяных носках. Спутанные волосы веером покрывали плитки пола.

Лиза осторожно приблизилась к телу, взяла женщину за руку.

– Господи, да она жива! Быстро звоните в «Скорую»! Судя по всему, это отравление...

– А как вы узнали? – Люба судорожными неловкими движениями доставала из сумки телефон. – Жива, слава богу!

И тут она проследила за взглядом Лизы – на кухонном столе стояла бутылка вина (Chateau Latour) и два высоких, тонких, возможно богемского стекла, бокала. Пустых. С розовыми от вина внутренними стенками. Блюдо с почти нетронутой запеченной курицей, салатница с зеленым салатом, приборы, салфетки... «Поежинали!»

Лиза продолжала держать бесчувственную женщину за руку, радуясь тому обстоятельству, что рука теплая, а значит, женщина живая.

– «Скорая»? Человек без сознания! Можно сказать, при смерти! – кричала Люба в трубку. И тут ее взгляд двинулся дальше, вдоль стены, скользнул за небольшой кухонный диван, обитый пестрой, красно-желтой гобеленовой тканью. Вопрос, по каким именно признакам Лиза определила, что домработница Сони была отравлена, Любу больше не интересовал. Она заметила за диванчиком какую-то странную тень, бросилась туда, в угол, и вскрикнула, моментально зажав рот ладонью, словно боялась, что своим криком привлечет внимание соседей.

На плиточном полу сидела, раздвинув ноги и свесив между колен голые руки, молодая женщина. Длинные волосы, волной ниспадавшие на плечи и грудь, закрывали ее лицо, но Люба знала, что это Соня. Вот только малиновая шелковая пижама показалась ей темнее обычного. А белые ступни босых ног с аккуратными, ровными, ухоженными пальцами, с ногтями кроваво-вишневого цвета выглядели как мраморные.

– Елизавета Сергеевна... – слабым голосом позвала она. – Здесь Соня! Посмотрите...

– А вы молодец, Люба, – сказала уже позже Лиза, когда «Скорая» отвезла пришедшую в себя, ничего не помнящую, но, к счастью, живую домработницу в больницу, а квартиру наводнили работники прокуратуры. Эксперты снимали отпечатки пальцев, фотографировали труп хозяйки, брали смывы и соскобы с предметов и дверных ручек, и делали все это как-то тихо, слаженно, общаясь междометиями, как люди, привыкшие работать в группе и понимающие друг друга без слов.

Знакомый судмедэксперт Туров подтвердил предположение Лизы, что женщины были отравлены.

Он долго принохивался к пустым бокалам, вертел их в руках, затем, пробормотав: «Похоже на сулему», положил образцы в пластиковые пакеты. Отдельно была упакована и бутылка с остатками вина.

Лиза несколько раз порывалась подойти к открытому окну и покурить, но, вспоминая, что она уничтожила сигареты, сожгла их в камине, вздыхала. И еще – она постоянно ловила себя на остром желании позвонить Глафире. Ей все еще не верилось, что Глаша исчезла. Что ее нет нигде поблизости. Что с ней случилась беда. Где она? Может, ее пытаются? А она, Лиза, ее близкая подруга, вместо того чтобы вплотную заниматься ее поисками, сидит в чужой квартире, где недавно погибла женщина (про убийство, если оно имело место, ей расскажет впоследствии знакомый следователь, который сейчас расхаживает по квартире и, причмокивая, записывает что-то в свой блокнот), и тратит впустую время. Какое ей дело до этой смерти? В городе каждый день умирают естественной смертью или становятся жертвами насилия десятки людей. Но она не может пропускать через себя всю эту людскую боль. Она тоже живой человек и должна позаботиться о себе и о своем будущем ребенке.

Бедный Гурьев! Какими глазами он на нее смотрел, когда она курила одну сигарету за другой. Другой муж ударил бы ее по губам, наорал, а он, словно понимая ее, лишь тактично делал ей замечания. Лиза подумала, что и он тоже успел за то время, что они женаты, привязаться к Глафире. Она такая большая, шумная, суетливая, но такая славная, добрая...

Лиза стояла в уголке и шмыгала носом.

Следователь подошел к ней и сказал вполголоса:

– Говорят, у тебя, Лиза, помощница пропала? В какую авантюру ты ее втянула? Вечно занимаешься опасными вещами... Ты же адвокат, вот и защищай людей, а не лезь туда, где тебе могут оторвать голову.

Лиза от таких его слов просто опешила.

– Полегче на поворотах! Послушай, Андрей, а тебе не кажется, что...

– Нет, мне ничего не кажется, – резко, но одновременно как-то по-доброму, как заботливый брат, перебил он ее. – Ты в последнее время занимаешься делами весьма опасными. Я понимаю, что деньги нужны всем и что лишними они никогда не бывают, но не советую тебе защищать на стадии следствия людей, по уши увязших в дерьме. Понимаешь, о ком я? Пусть они сядут наконец! Ты прилагаешь невероятные усилия, чтобы развалить дело, чтобы повесить всех собак на пешек, в то время как крупные фигуры, отряхнувшись, застегнутся на все пуговицы и сдернут отсюда, я имею в виду из страны, и поминай как звали!

– Ты ничего не знаешь о моей работе, – сказала Лиза. – Вообще ничего. Я, конечно, не господь бог, но пока еще могу отличить настоящих преступников от людей, которых втянули в нехорошие дела. Думаю, что я все же занимаюсь пешками. И вообще, здесь не место обсуждать мои дела.

– Но Глафира-то пропала! Я разговаривал с Мирошкиным. Он отправил своих людей по следу. Но я не верю, что ее исчезновение как-то связано с ее желанием похудеть. Это полный бред! Вот скажи, она говорила тебе хотя бы что-нибудь о своем желании обратиться в какую-нибудь фирму, торгующую препаратами для похудения?

– Нет! В том-то и дело, что нет! Конечно, я позволяла себе иногда высказываться по поводу ее комплекции (за что сейчас себя страшно ругаю), но она ни словом не обмолвилась, что куда-то собирается.

– А может, существуют такие лечебницы? Санатории?

– Да чтобы Глаша без моего ведома отправилась куда-либо? Ты что?! Это абсолютно невозможно! К тому же она человек очень организованный, ответственный...

– А что, если она занимается решением своих личных, так скажем, женских вопросов? Как бы это поделикатнее выразиться... Может, она была беременна и скрывала эту самую беременность, а теперь решила прервать ее, пока муж в отъезде?

– Нет, всякое, конечно, может быть, и Глафира не святая, но уж мне бы она доверилась, я знаю это точно. Больше того, она постаралась бы с моей помощью организовать себе алиби.

– Какие вы, женщины, однако, опасные!

Лиза оставила этот комментарий без ответа.

– Ты позволишь мне осмотреть квартиру? – без всякого энтузиазма спросила она его, чтобы переменить тему разговора и одновременно дать себе возможность отвлечься и поработать мозгами, а не чувствами, которые буквально захлестывали ее.

– Да пожалуйста! Уверен, что ты своим острым и опытным женским взглядом увидишь то, чего не увидел я. Мне Мирошкин так много о тебе рассказывает! Сначала я думал, что он в тебя влюблен, но потом, после парочки явно безнадежных дел, которые ты помогла ему раскрыть, мне просто пришлось изменить свое мнение и о тебе, и о нем.

– И на том спасибо, – Лиза покровительственно похлопала своего коллегу по плечу. – Начну со спальни...

Но не успела она переступить порог спальни, как в прихожей послышалось какое-то движение, шум, суета. Она сделала несколько шагов к двери и увидела бледную как смерть женщину, удивительным образом похожую на ту, которую не так давно увезли на «Скорой». Она была не одна, а в компании все той же Любы: та время от времени выглядывала из своей, расположенной напротив, квартиры, чтобы в очередной раз удовлетворить свое любопытство или, возможно, услышать от Лизы слова одобрения ее поступку. Ведь если бы не ее бдительность и внимательность, труп хозяйки этой квартиры пролежал бы там неизвестно сколько дней.

Лиза взглядом спросила стоявшую в нескольких шагах от нее Любу, что случилось, – та задрала подбородок и чуть пожала плечами. Их разделяли какие-то люди, не пускавшие в квартиру появившуюся чуть ли не с того света домработницу.

Лизе пришлось обратиться за помощью к следователю:

– Андрюша, прошу тебя,пусти эту женщину, она домработница или родственница, не знаю... позволь, я с ней побеседую. Видишь, она явно не в себе.

– Хочешь снять все сливки?

– Хочу.

– Ладно, действуй. У тебя все равно получится лучше.

«Он поступил непрофессионально, – подумала Лиза. – Такой важный свидетель, как домработница, отравленная одновременно со своей хозяйкой, может знать и помнить все».

– Проходите, пожалуйста. – Лиза взяла женщину под свою опеку и завела ее в спальню, где было тихо и им никто не помешал бы поговорить.

Она на самом деле выглядела ужасно. Бледность в сочетании с ввалившимися глазами, с уродующими ее лицо коричневыми пятнами на худом некрасивом лице. Очевидно было, что она больна и нуждается в медицинской помощи.

– Вас как зовут?

– Валентина. Валентина Козельская. Я – родная тетка Сонечки, – и женщина судорожным движением зажала рот стиснутыми кулаками. – Она умерла... Произошло что-то ужасное...

– Валентина, вы сбежали из больницы?

– Мне сделали промывание. Дали выпить что-то, какое-то лекарство... Словом, мне стало лучше, и я на самом деле сбежала. Вы поймите, в квартире много ценных вещей, и я не могла допустить, что... Господи, я понимаю, вы тоже из этих, из прокурорских, вероятно. Я не имела в виду вас или кого-то, кто будет заниматься расследованием. Но квартира открыта, двери

нараспашку... Вы не представляете себе, сколько стоят все эти картины и безделушки. В сейфе много денег, ведь Сонечка держала ювелирный магазин.

А ведь она права. Кто знает, что может случиться, вдруг какой-нибудь нечистый на руку участковый, или санитар, или водитель сунет в карман мелкую вещицу?

Лиза огляделась. Спальня представляла собой комнату, обставленную с удивительной роскошью. Прекрасная дорогая мебель, выполненная в старинном стиле, вероятно, итальянского или испанского производства, чудесный ковер, туалетный столик, заставленный антикварными флакончиками и безделушками. В углу – полукруглый полированный застекленный шкафчик, полный редкой красоты посуды. Между шкафом и портьерами поблескивает матовая поверхность сейфа.

– Сейф... Валя, я думаю, сейчас самое время проверить, не ограбили ли вашу племянницу. Возможно, тогда будет проще найти ее убийцу.

Валентина, словно только и ожидавшая, что ей позволят это сделать, рванулась к сейфу, встала перед ним на колени (благо ковер был мягкий, шерстяной), замерла на какое-то время, словно проверяя свою память, а потом, неловко пытаясь скрыть табличку с кнопками, набрала комбинацию цифр. После этого раздался характерный щелчок, дверца открылась, и Валентина исторгла вздох облегчения.

– Кажется, все на месте... – она сразу как-то обмякла и теперь сидела с опущенной головой перед сейфом, в котором Лиза заметила стопки денег и папки, вероятно, с важными документами.

– Вот и славно, – попыталась вернуть ее к действительности Лиза. – Деньги не украли. А все остальное?

– Здесь, в шкафу, она хранила драгоценный фарфор. Все на месте, да и шкаф не открывали, ключ находится в тайнике.

Валентина поднялась и подошла к шкафчику, провела пальцем по чистой гладкой поверхности стеклянной стенки.

– Здесь все на месте... – И вдруг она резко повернулась и взглянула на Лизу: – А вы, собственно, кто? Почему вы не в прокурорской форме?

– Вообще-то я адвокат, меня зовут Елизавета Травина. Можете спросить обо мне вашу соседку, Любу. Кстати говоря, это ей вы обязаны жизнью.

При других обстоятельствах Лиза не стала бы объяснять, кто она такая, и вела бы себя совершенно по-другому. Но сейчас ей важно было расположить эту женщину к себе, постараться выяснить все обстоятельства дела.

– Она симпатизировала моей помощнице, вот и сегодня тоже пришла, чтобы угостить ее пирожными собственного производства. А потом выяснилось, что она пришла по делу, чтобы рассказать о том, что дверь в вашу квартиру приоткрыта, в квартире беспорядок, а это отнюдь не свойственно таким аккуратным женщинам. В милицию она обращаться не стала, по известным причинам.

Лиза говорила, не спуская взгляда с Валентины, которая с каждой минутой бледнела все сильнее. Она поняла, что еще немного – и женщина потеряет сознание.

– Валентина, у меня к вам предложение. Поскольку мы не можем заставить работников прокуратуры покинуть вашу квартиру... они там работают, понимаете? И чтобы вы были спокойны, чтобы не думали, что имущество вашей погибшей племянницы разворуют... Чтобы, в конце концов, следователь знал, что вы – на самом деле ее родная тетка, а не домработница и имеете право находиться здесь, вам следует показать ваши документы. Как вы понимаете, это простая формальность. В случае, если бы вы не являлись ее родственницей, вам пришлось бы покинуть квартиру и ее бы, в свою очередь, опечатали. Словом, предлагаю вам воспользоваться

услугами моего врача, который появится здесь по первому моему зову. Вы будете находиться здесь и в то же самое время под присмотром врача.

– Господи, конечно! Мои документы находятся в моей комнате. В ящике письменного стола. Что же касается врача, то это прекрасная идея, за что вам большое спасибо. Я все-все оплачу! Вы сами видите, деньги у нас есть... – она вяло обвела рукой пространство вокруг себя.

Она вела себя настолько естественно и даже в какой-то степени глупо, словно ей и в голову не могло прийти, что она может стать первой подозреваемой по этому делу. Тем более что квартира буквально ломилась от ценных вещей.

И тут, словно прочитав ее мысли, Валентина, сев на пол, проговорила:

– Вы не думайте, это не я... У меня есть свои деньги. Я же приехала к Сонечке из Сургута. Все там продала и приехала. Можете проверить в банке. Знаете, мне что-то совсем плохо...

И она отключилась.

8. Май 2009 г. Соня

Жизнь Сони с появлением Валентины изменилась. Причем настолько, что она на какое-то время словно отвлеклась от своего источника боли, от своего еще недавно сильнейшего желания и дальше растравлять свою душевную рану, от этого мазохистского зуда.

Поначалу ее занимало обустройство комнаты для тети. Они ездили в мебельные салоны, выбирали кровать, шкаф, туалетный столик. Были куплены постельные принадлежности, белье, ковер.

Оказалось, что заботиться о ком-то – это так приятно! Соня тратила на нее деньги, буквально не считая их и постоянно твердя, чтобы Валентина свои деньги поберегла. Что жизнь – такая сложная и длинная штука и всякое еще может случиться.

Валентина принимала ее заботу настороженно, словно не веря в искренность поступков и желаний своей племянницы. Чувствовалось, что эта женщина не привыкла к тому, чтобы ее скромной персоне уделялось так много времени, не говоря уже о деньгах.

Вечерами Валентина, лежа на диване в гостиной перед телевизором, постанывала, растирая воспалившиеся суставы ног. Соня заботливо подтыкала толстый плед под ее больные ноги, разве что не гладила их рукой. Чувствовалось, что в ней дремлет и готов уже окончательно проснуться мощный материнский инстинкт. Ей пришла пора проявить свою любовь и нежность по отношению к детям, которых у нее пока что не было.

С утра Валентина была уже на ногах. Убирала постели – свою и Сонину. Готовила завтрак, мыла посуду, провожала Соню до самой машины.

– Валя, ты не особенно-то усердствуй. В квартире много техники, тебе не обязательно мыть посуду руками, даже при наличии горячей воды. И пылесос есть, и такая штукавина, я тебе показывала, которая чистит полы горячим паром. Ты побольше ешь, спи, отдыхай. Никому не открывай дверь – это железное правило! Исключением может быть только один человек – Любаша, моя соседка. Она хорошая, добрая женщина. Если она принесет торт или пирожные – непременно бери и расплачивайся с ней. Это значит, что все приготовлено на натуральном масле и деревенских яйцах. Она делает это специально для меня. У нас с ней договоренность. Я часто даю ей деньги в долг, вот она и благодарит меня таким образом. Но это не значит, что я не плачу ей за угощение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.